

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Захаров А.Д. — Социально-философская теория Жака Лакана как метакритика концепции мировоззрения // Философская мысль. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.6.40868 EDN: OSGYLQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40868

Социально-философская теория Жака Лакана как метакритика концепции мировоззрения

Захаров Александр Дмитриевич

ORCID: 0000-0003-4422-4797

аспирант, Факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Пр-кт ленинградский, 49/2

✉ zaharoff1997@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.6.40868

EDN:

OSGYLQ

Дата направления статьи в редакцию:

28-05-2023

Дата публикации:

04-06-2023

Аннотация: Социальная философия – довольно молодая дисциплина в рамках общей философии, и чаще всего, ее методология и проблематика касаются предельно общих черт общественной жизни, развития общества и моделей его устройства, но индивидуалистические подходы, значительно развившиеся в XIX-XX вв. значительно расширили диапазон применения социально-философских категорий. Один из ярчайших среди таких методологических подходов связан с психоаналитической традицией и именем Жака Лакана в частности. Этот ученый смог объединить различные сферы общественной жизни – начиная от лингвистики и мифологии, заканчивая социологией, этикой и математическим моделированием – в рамках своей теории субъекта и его существования в неизбежных рамках социального, чему и посвящена данная статья. В качестве методов исследования были использованы качественный анализ первичных эмпирических данных, в том числе переведенных семинаров Жака Лакана, обработка вторичных эмпирических данных зарубежных и отечественных авторов, анализ различных междисциплинарных точек зрения по разрабатываемой теме. В настоящей статье проводится рассмотрение основных понятий и оригинальных концепций

аналитического дискурса Лакана в рамках изучаемого вопроса, а также раскрывается возможность концептуальной применимости его теории к мировоззренческой проблематике в контексте духовной и социальной жизни. В процессе исследования автор приходит к выводу, что разнообразный, в чем-то хаотичный взгляд Жака Лакана на изучаемый вопрос на самом деле позволяет структурированно, точно и основательно критиковать основания мировоззренческой социально-этической проблематики, а это может стать интересным для философов, психологов, социологов, педагогов, историков, культуроведов.

Ключевые слова:

аналитический дискурс, структурализм, постструктурализм, Жак Лакан, психоанализ, фрейдизм, экзистенциальность, мировоззрение, регистры психики, большой Другой

Вступление

Жак Мари Эмиль Лакан, бесспорно, является одной из главных фигур второй половины XX века не только для психиатрии и психоанализа, в рамках которых он творил и жил, но и для всемирной культуры в целом. В особенности это касается философской мысли, так как наблюдения, а также предложения и выводы французского мыслителя, всю жизнь отрешившегося от философии и ее так называемого дискурса господина, якобы исключительно насильно поучающей и претендующей на примат всезнания, все-таки лежат в плоскости эстетики, этики, аксиологии, онтологии, гносеологии, праксиологии, и даже философской антропологии. В данной статье будут частично рассмотрены все эти философские дисциплины, без хотя бы краткого упоминания невозможно будет раскрыть теорию Жака Лакана как метакритику концепции мировоззрения.

Стоит отметить, что неоднозначные, порой путанные, эксцентричные высказывания Лакана, переполненные иронией, математизмами, сложными логическими конструкциями и отсылками к античной, средневековой и современной культуре, порождают споры и сомнения по сей день, у мыслителя много последователей и противников. По этой же причине трудно использовать его лекционные высказывания-лозунги, записанные и изданные некоторыми избранными его учениками, что усложняет цитирование первоисточника, если так можно выразиться о записях на слух. Тем не менее, нельзя отрицать, что он повлиял на развитие психологии и психоанализа, семиотики, когнитивистики, конечно, и философской мысли (в частности, структурализма и постструктурализма, онтологических и эстетических вопросов), так или иначе дал толчок развитию проблематики феминизма, когнитивистики и транс-, постгуманизма.

Можно сказать, Лакан охватил огромный объем информации и предоставил разносторонние критические замечания по поводу цельности личности и возможности построения мировоззрения, заодно и научно-гуманитарную базу для разработки предельно общих социально-философских понятий, отвечающую запросам времени и разносторонне их отражающую, которая в то же время не остается проектно-прогностической или исключительно теоретической, что характерно для социальной философии. Именно практическая ориентированность, энергичность в формулировках опосредованной психоанализом философской системы Жака Лакана притягивает к себе живой интерес исследователей спустя десятилетия после смерти автора. Его подход к человеку, хотя и основывается на привычных темах внутреннего мира человека, ключевых этапов его развития, взаимодействия с индивидами в процессе социализации,

культурных и экономических условий жизни, но ставит их буквально с ног на голову, позволяет подойти к знакомой проблематике с другой, оригинальной стороны.

Лингвистика в психоанализе

Жак Лакан трепетно относился к моменту возникновения психоанализа и первым психоаналитическим трудам Фрейда. В них австрийский психолог заново поднимал забытые темы толкования сновидений, ранее осуществляемого в ненаучной манере исключительно мистиками, шаманами, юродивыми и прорицателями; оговорок и всего, что с ними может быть связано прямо или косвенно; свободных ассоциаций, посредством которых пациент мог рассказать намного больше, чем в осмысленном диалоге. Невооруженным глазом видно особое внимание Фрейда к словам, словообразованию и его неоднозначным механизмам, когда дело касается повседневности. Толкование и интерпретация во фрейдовском психоанализе играют важнейшую роль, всегда находясь в незавершенности и неоконченности. Фрагментированность и открытость толкования ведут к его неисчерпаемости и множественности. Фрейд говорил, что в любом случае возможно еще одно толкование. У любого здравомыслящего человека с классическим научным доказательным мышлением может встать вопрос о состоятельности множественной вариативности интерпретаций и толкований, но в аналитическом дискурсе есть ответ – постоянная перестройка личности не даёт возможности взглянуть на человека как на устойчивую систему, да и знаменитая дельфийская надпись «познай самого себя» говорит о том, что человек не знает и не может знать полностью даже лично себя. Как исчерпать душевную жизнь? Разве можно положить предел постоянно перестраивающейся символической матрице? [\[1, с.151\]](#)

Эта неполнота, открытость, невозможность тотализации символического, с одной стороны, проясняет тщательное избегание Фрейдом формализации психоаналитической системы, да и вообще таких слов как «система» и «мировоззрение» применительно к психоанализу. Вслед за ним и Лакан изощренно ускользает от паранойяльного знания, от той науки, которая и в начале XXI века будет безоглядно стремиться к нарциссическим основаниям полноты, целостности, автономности. И всё же, находчивость и скептическую брезгливость психоанализа к цельности невозможно не применять при рассмотрении мировоззренческой проблематики, которая сильно зависит от субъективного и intersubъективного факторов.

Кроме того, Жак Лакан очень часто апеллировал к понятиям знака, символа, метафоры и метонимии, означающего и означаемого, которые позаимствовал из структурной лингвистики у Фердинанда Де Соссюра, Клода Леви-Стросса и Романа Якобсона, хотя и значительно пересмотрел их в рамках своей теории. Доктор философских наук М. Д. Купарашвили, обращая внимание на лингвистическую сторону лакановского творчества, пишет, что учет высокой степени метафоричности языка психоанализа не только объяснял многозначность речи пациента, но делал очевидным специфику многозначности символа и языка в целом. Отсюда большой интерес Ж. Лакана к вербальной активности и опосредованности бессознательного. В этом контексте структурный психоанализ Ж. Лакана исследует связь символических систем с лингвистическими практиками, которые формируют социальный код эпохи, выйти за пределы которого индивиду не дано. [\[2, с.46\]](#)

Чтобы комплексно и последовательно подойти к теме раздела, для начала стоит обратиться к субъектности в рамках лакановского психоанализа, так называемого аналитического дискурса. Для Лакана субъект – это, в первую очередь, субъект бессознательного, который в тем большей степени является самим собой, чем меньше

думает и больше говорит. Для него субъект больше не мыслящий субъект, а тот, кого призывают не говорить все, чтобы заставить говорить глупости. Язык исполнен разума в большей степени, нежели кажется [\[3, с. 114\]](#), и открытию этому мы обязаны Зигмунду Фрейду с его «Толкованием сновидений» и «Психопатологией обыденной жизни». Лакан считал, что язык является как раз тем действительно трансцендентным, которое так долго искали в рамках философского дискурса как объект мудрости и в условиях которого люди, несчастные говорящие существа, пребывают давно. Психоанализ сделал всеобщим достоянием тот факт, что есть знание, которое о себе не знает, знание, носителем которого служит означающее как таковое. [\[3, с.114\]](#)

Субъект является субъектом только в рамках означающих, объясняемых одно посредством другого. Соответственно, и наслаждение, одно из краеугольных понятий психоаналитического подхода, один из важнейших принципов организации человеческой жизни наедине с собой и в обществе, в аналитическом дискурсе вызывается означающим, так как наслаждение существует для субъекта образно, в рамках слов и сформулировано может быть исключительно словесно. В то же время, будучи границей наслаждения, означающее — это то, что его прерывает. [\[3, с.32\]](#) Там, где говорят — всегда наслаждаются. И вовсе не обязательно знают. Cogito «мыслю» Фрейда принадлежит бессознательному... кроме того, как не раз будет подчеркивать Лакан, cogito Фрейда – это его *desidero*, и формула его: мыслю, значит, желаю. Иначе говоря, мысль – это всегда уже мысль-желание. [\[1, с.8\]](#) Знание, которое у говорящего существа, чье наслаждение является измерением тела, где живет сказывание, вписано в это наслаждение изначально, как раз и обнаруживает Фрейд. [\[3, с.137\]](#)

Жак Лакан видит человека как животное, которое обнаруживает в себе дар речи и, обитая в означающем, оказывается его субъектом. [\[3, с.105\]](#) При таком определении сам собой встает вопрос, существует ли бытие иначе, как внутри высказывания? Мыслитель отвечает на вопрос в формате предположения-размышления: нет высказывания, которое не шло бы от бытия ... бессознательное, напротив, всегда идет от высказывания. [\[3, с.120\]](#)

Означающее, формальный знак или символ субъекта, обращенный к объекту и ссылающийся на него, в аналитическом дискурсе связано с означаемым, фактом Реального, но связано непрочное, фантазматическое, так как не тождественно тому, на что якобы ссылается, – референту. Особенно интересно в этом контексте, что Лакан подчеркивает неважность различия воображаемого или реального условия возникновения означающего, потому что оно в любом случае воспринимается как нечто налично существующее. На уровне различия означающее/означаемое отношение означаемого к тому, что присутствует в этом различии как необходимое третье, т.е. к референту, состоит, собственно, в том, что означаемое его упускает из виду. [\[3, с.27\]](#) В этом Лакан значительно отходит от лингвистического понимания терминов в пользу более пронизательного психологизма. А. Р. Кожаринова пронизательно замечает, что, с точки зрения Ж. Лакана, подход к анализу общества и культуры через исследование речи не продуктивен, поскольку речь является результатом работы не только сознания, но и не обладающего субстанциональностью фрейдовского бессознательного. Только подход к рассмотрению коммуникации через структурный анализ дискурса, являющегося понятием интерсубъективным, способен помочь проанализировать социальные связи и выявить фундаментальные основы социокультурной организации. [\[4, с.158\]](#)

Итак, по словам Жака Лакана, психоанализ сделал всеобщим достоянием тот факт, что есть знание, которое о себе не знает, знание, носителем которого служит означающее

как таковое. Конечно, о не знающем о себе знании и бессознательном могут рассказать и философы прошлых лет, включая пифагорейцев с их Эротом и Психеей, Платона с его знанием-припоминанием, Лейбница и его низшей формой душевной деятельности, сравнимой с океаном темных перцепций, Шопенгауэра и волей как управляющей всем миром, полной своей собственной мудрости, Фон Гартмана, который, собственно, и дополнил теорию Шопенгауэра, заменив волю на бессознательное, также и многих других исследователей с давних времен по наши дни. Однако особое внимание к лингвистической стороне бессознательного привлекли именно Фрейд и Лакан, что отмечается в текущем разделе статьи. Тем не менее, на словесном вопросе интерес и открытия Жака Лакана не ограничиваются, его взгляды на сознательное и бессознательное также обладают философской ценностью и уникальностью.

Знание, сознание и бессознательное в жизни людей

Французский психоаналитик в своем творчестве невольно сравнивает способы непосредственного пользования словами в речи и построения мысленных конструкций от одних слов к другим, будто повторяя путь деления Кантом суждений на аналитические и синтетические. В терминах Канта и в рамках теории Жака Лакана, бессознательное как бы является источником аналитических суждений, на основе которых человек строит синтетические – мысли, поступки, впечатления, Так Лакан приходит к известному для философской традиции выводу, что, действуя, человек знает гораздо больше, чем может подумать. В чем же заключается такое спонтанное знание в аналитическом дискурсе? В чем заключается знание в психоанализе?

Знание – в первую очередь наслаждение от практического пользования сведений, которые поэтому так же сложно получить, как и пустить в ход. Нетрудно заметить, что под знанием подразумевается нечто, оторванное от материалистичного обладания, нечто активное и аутентичное, не поддающееся подделке, нечто бессознательное, то есть «бытие, которое, говоря, наслаждается, и ... ничего больше не хочет знать. Больше того — не хочет знать ничего вообще.» [\[3, с.126\]](#)

Очевидно, что знание для Лакана первично относительно любой мысли и любого помысла, оно полностью совпадает с желанием, при этом неудивительно увидеть с его стороны последовательное допущение о том, что компьютер может думать, не получая при этом знания. Лакан остается скептиком в плане участия искусственного интеллекта в жизни людей и отводит ему более низкое место в иерархии относительно человеческого субъекта и вопрошает: «Но в каком смысле можно сказать, что компьютер знает, если знание на том и зиждется, что наслаждение от пуска его в ход и наслаждение его обретения совпадают?» [\[3, с.115\]](#)

Субъект в рамках этого концептуального подхода, конечно, может что-то знать, но знает не всё, даже «не всё», которое можно выделить как отдельный основополагающий термин в аналитическом дискурсе. В качестве объекта, на который субъектом возлагается ноша зияющего фразой «не всё» знания, собственного желания, цели всех побуждений и потребности в собеседнике, в лакановском психоанализе служит Другой, который не знает ничего в рамках уже упомянутого «не всего», только кажется желаемым объектом и тем самым выполняет свою функцию в структуре личности. Исследователь-философ Л. В. Великанова в одной из работ в очередной раз отмечает в рамках лакановской теории, что аналитический акт – говорение, в котором проскальзывает, оставляя следы, истина, – возможен лишь в присутствии Другого. [\[5, с.9\]](#) Д. К. Щербачев вторит Лакану в вопросе о суверенности личности, ее обособленности от

социума, и считает, что в никакой суверенности у Я нет: образ себя/отношений с собой/суверенности, согласно концепции стадии зеркала, вторичен и произведен от отношений с Другим. Обращаемое к Другому требование тем более жаростно, чем более многообещающим было ожидание – чем более горячей была вера в то, что именно этот Другой обладает желаемым объектом а. Это очарование Другим всегда слишком радикально, иррационально. Оно глубже, чем мысль, оно уже там, где мысли только предстоит родиться: строго говоря, мысль разворачивается в пространстве, которое оно ей уготовит. [\[6, с. 146, 148\]](#) При этом, в рамках рассмотрения современного актуального контекста отношений субъекта и Другого, А. Д. Карачинцев, со ссылкой на лакановского философа-психоаналитика С. Жижека, отмечает, что различие между потреблением и межличностными отношениями в современном обществе все более уравновешено: сама природа рекламного сообщения, обращаясь не к полезным свойствам продукта, а к самому факту престижа его владения, показывает, что здесь на первом месте – это именно желание Другого. Точно так же, когда мы обращаемся к достоинствам конкретного человека, мы одновременно ставим его объектом желания Другого, утверждая «статус» характера коммуникативного акта в символической системе. [\[7, с.28\]](#)

Таким образом, в контексте целенаправленного наделения определенными свойствами некоторого образного представления о Другом, поднимаются важнейшие таинственные мировоззренческие вопросы и проблемы, связанные с категориями рождения, жизни, смерти, вечности, первоначала.

Бытие, реальность и фантазм

Неудивительно, что то Я, которое обречено вспоминать, сознать наяву, а не твердо и четко знать, оказывается рассеянным, испуганным. Скептическое Я постоянно оказывается поставленным перед фактом эфемерности фундаментальных оппозиций внешнее/внутреннее, везде/нигде, собственное/несобственное, свое/ чужое. Для Лакана очаг этот оказывается между порядками Символического (абстрактного), Воображаемого (воспринимаемого и конструируемого органами чувств) и Реального (чего-то тотально внешнего, предельно случайного и отброшенного из восприятия). Лакановское объяснение страха кардинальным образом отличается от большинства других теорий: его вызывает не нехватка, утрата или неопределенность, он также не является страхом утраты чего-либо (прочной основы, собственной точки опоры и т.д.), напротив, страх – это страх получить чего-то слишком много, страх слишком близкого присутствия объекта. Со страхом утрачивается именно утрата – утрата, которая позволяет иметь дело с понятной реальностью. [\[8, с. 20\]](#) Можно сделать вывод, что человек не столько изначально сам для себя оказывается неполноценным, как это было описано у Альфреда Адлера, но неполноценностью отвечает на угрозу Реального, так как боится стать полноценным, изначальноным, если вернуться к символическим образам, то еще не рожденным или уже мертвым. Исследователь этических вопросов лакановской теории Д. К. Щербачев задается очевидным для аналитического дискурса вопросом: какое этическое требование можно предъявить к искалеченному при рождении и даже до рождения, нелепому, неполному и радикально антиномичному существу? [\[6, с.143\]](#)

Лакан называл комплекс ответов субъекта на реальное синтомом, и активно выступал за неприкосновенность такой системы как образующей личность и ее способность к выживанию в обществе, приспособляемость как таковую. Между бытием и мыслью существует очевидный для аналитического дискурса раскол, который может исчезнуть, если человек прибегает к метафоре как к перенасыщению чего-либо смыслом или лишается символического как ответа на угрозу Реального.

Революционная реорганизация двух реальностей, сновидческой и бодрственной, воображаемой и переживаемой непосредственно, приводит к их деконструкции, к их взаимопроникновению и к новому неравномерному несбалансированному недиалектическому противопоставлению реальности и реального. К реальности можно отнести психическую реальность, то есть субъекта и его субъективный мир, а к реальному – материальный мир, который существует параллельно человеку и вторгается в мир субъективный.

Сказанное ранее о бытии предполагает, что от любого предиката возможно полностью отказаться и сказать, к примеру, человек есть — не указывая при этом, что именно. Жак Лакан по этому поводу говорил следующее: «Бытие — бытие, претендующее на звание абсолютного — это всего лишь трещина, излом, разрыв в бытии, наделенном полом, бытии, заинтересованном в наслаждении.» [\[3, с.17\]](#) Эта цитата подтверждает разрыв между субъектом и бытием как абсолютным, при этом особенно интересно, что Лакан называет пол и наслаждение субъективными качествами, то есть по сути воображаемыми. Но всё не так просто. Конечно, получается, что, в рамках аналитического дискурса, субъективный психический мир важнее и первостепеннее объективного и телесного как для субъекта, так и для жизни в обществе, но у Жака Лакана по этому поводу было другое мнение, которое будет раскрыто далее в статье.

Телесность в аналитическом дискурсе

Французский мэтр-психоаналитик действительно считал и утверждал, что никакой до-дискурсивной реальности не существует хотя бы потому, что под любой категорией, обозначающей общность людей, в итоге оказываются означающие — мужчины, женщины, дети, французы, человечество. Если брать за основу деления признак психической жизни, то в рамках лакановского психоанализа, у всех она артикулирована идентично. Пожалуй, следует чуть подробнее остановиться на вопросе пола, поскольку он является важным в контексте творчества Жака Лакана и последствий этого творчества для мировых движений за права человека.

Мужчина и женщина – всего лишь слова, функционирующие как означающие и потому отсылающие друг к другу. Конечно, Жак Лакан не отрицает следов пола в бытии тела, но для него наслаждение тела стоит превыше половых признаков, и зависит оно от символического отношения к Другому.

Однако к женщине Лакан питает особое внимание в рамках своей теории. Особое внимание, которое исключает «женщину» из аналитического дискурса как концептуально несуществующую, поскольку ее преимущественно женские материнские, социальные, поведенческие признаки всё еще недостаточно хорошо и точно объяснены и изучены, да и наслаждение её якобы нельзя точно идентифицировать, локализовать, даже в наслаждении женщина «не вся», не всё в ней поддается символическому объяснению и обозначению. Именно это несимволизируемое наслаждение находится исключительно в эстетическом измерении непосредственного смутного переживания, что роднит философов и богословов-мистиков с женщинами. Лакан так говорил на 21 семинаре: «Таков, например, Ангелус Силезиус: отождествлять свой собственный созерцающий взгляд со взглядом взирающего на него Бога — что это, как не признак извращенного наслаждения?» [\[3, с. 90\]](#)

В таком необъяснимом виде наслаждения французский психоаналитик усматривает путь к хайдеггерианской экс-систенции, ко вне-бытию, то есть к одному из непосредственных явлений Другого (или Реального), которое зачастую приравнивают к божественному.

Если на основании такого наслаждения люди строили и строят мировоззренческие системы, то, с точки зрения аналитического дискурса, это натуральное наслаждение, которое не гарантировано и не обещано даже женщинам как «не всем», не может являться допустимой максимой. Кажется, что такая экс-систенция является очень доступной и может быть названа бессознательной, поскольку происходит она без понимания и означивания, но стоит лишь вспомнить знаменитую фразу Лакана «бессознательное структурировано как язык», то мысли о легкости в достижении экзистенциальных идеалов становятся совершенно безосновательными.

Если даже в предельных мировоззренческих вопросах можно руководствоваться исключительно словесными символизируемыми категориями, получается, что психоанализ дает возможность пользоваться сознательными и бессознательными побуждениями человека, позволяя обращать внимание на доступное и допустимое в рамках закона Другого (куда кроме внутренних нравственных также входят и юридические законы) и отмечая недоступное.

Этика и политика как способы проявления мировоззрения в действии

Бельгийский ученый Шранс провел интересное исследование социальных вопросов в рамках теории Жака Лакана. Используя в качестве примера мысленные эксперименты Лакана, он пришел к выводу, что человеческая группа не составляет по общему признаку. Характеристика ретроспективно определяется группой через утверждение субъекта. Коллектив основывается на взаимности различий. Таким образом, Лакан формализует отношения между индивидом и коллективом. В этой формализации индивид является субъектом и в таком виде также функцией в рамках логического процесса дифференциации. Однако через предвосхищение своей истинности субъект может обратиться против этого коллектива и избежать захваченности взаимоотношениями. [\[9, с. 8\]](#)

Психоаналитик Т. П. Осипова тонко уловила сущность этики психоанализа, концептуально неподвластной изменениям в модных подходах или социально-философской конъюнктуры. По ее мнению, психоанализ может показаться практикой маргинальной, социально безнравственной и даже противоречащей всяческой морали, если рассматривать его лишь как метод, открывающий доступ к бессознательному, полному сексуальных и агрессивных влечений, где происходит постоянное противодействие Эроса и Танатоса и т. п. Но это только на первый взгляд, ведь этика психоанализа, хотя и противоречива, находит грань между невозможностью следования законам и изначальной, вшитой в структуру психики, потребности в следовании им. То есть этика – по ту сторону и морали, и вседозволенности. Идея Лакана – не поступаться своим желанием. Единственно возможная этика в психоанализе – следование за тем, что влечет истинно. Психоаналитическая этика, душа психоанализа, рождается в сознании такого положения по отношению к другому, которое оберегает его свободу и поддерживает жажду истины, поскольку только так может быть обнаружено желание субъекта. Она осуществляется в возможности для осуществления свободного выбора человеческой позиции по отношению к явлениям внутри и вне себя. [\[10, с.60,61,76\]](#)

Д. К. Щербачев делает вывод, что в психоаналитическом философском подходе этика выстраивается вокруг доверия. Она возникает вынужденно: из-за той самой разницы между маленьким другим и Другим, из-за того, что Желание – это всегда Желание Желания, Желание Другого. В мгновении доверия кажется, что изначальный, предваряющий историю разрыв если не преодолим, то о нем хотя бы можно на время

забыть: объятие, знак доверия – это буквальная метафора снятия разрыва. [\[6, с.149\]](#)

Английский и немецкий исследователи Поль и Свинджау утверждают, что политическое означает неизгладимую пустоту или «отсутствие» в основе любого установленного порядка. В то время как политика означает полноту/целостность общества с учетом всех и всего, политическое означает совершенно случайную основу, на которой делается этот подсчет-учет. [\[11, с.4\]](#)

Американские ученые Шелдон и Хук ссылаясь на позднего Лакана, называют практику в человеческой жизни согласованным человеческим действием, которое позволяет относиться к реальному через символическое, чем подчеркивают практическую переориентированность его психоаналитической теории относительно первоначальной клиническо-терапевтической модальности. [\[12, с.236\]](#)

Конечно, современный дискурс диктует примат социального и экологического в отношении любого вопроса, в том числе влияет и на формирование мировоззрения. В отношении к практической стороне применения аналитического дискурса в современной науке, Шелдон и Хук приводят примеры соотнесения расизма, сексизма, трансфобии и новых социально-экзистенциальных гендерных переживаний современного субъекта с категорией сверхнаслаждения *jouissance*, являющейся частичным вторжением Реального в Символическое, то есть чем-то неконтролируемым, но присущим всем людям. Лакановский психоанализ значительно обогатил эти сферы научного интереса, поскольку каждый из описанных в прошлом предложении вопросов теперь ссылается на свою социально-бессознательную природу возникновения и существования, полностью отобрав права у привычных чисто биологической или этической точек зрения. [\[12, с.237-239\]](#)

Заключение

Подводя итоги, хочется сказать, что метакритика концепции мировоззрения в контексте творчества Лакана сводится к особой этике социального акта, модной для структурализма и постструктурализма, современного французскому автору. Без активной направленности вовне, обусловленной также и присущей каждому человеку экстимностью, то есть культурной и внешней опытной обусловленностью ядра человеческой личности, невозможно никакое существование в социуме, никакая социализация и, соответственно, никакое общество как совокупность действующих агентов в целом. К. С. Шаров, при общей спорности применения термина «экстимность» и содержания своей статьи в целом, уместно и точно цитирует Жака Лакана и его ученика Жака Аллена Миллера, понимающих под экстимностью внешнее бессознательное, бессознательное снаружи, интерсубъективную структуру, отражающую интимные переживания. [\[13, с.140\]](#) Конечно, здесь можно попытаться усмотреть копирование категории коллективного бессознательного Карла Густава Юнга, но в теории Юнга не хватает индивидуальной внедренности общественных знаний в структуру личности человека, бессознательное это существует как бы вне времени и пространства, что слишком идеалистично для XX века. Основываясь на критических замечаниях Лакана в адрес целостности личности и возможности целостного восприятия мира, появляется возможность посмотреть на мировоззрение как на децентрализованную структуру, которая все же может быть сформирована, пусть и неустойчиво, в рамках бесконечно перестраивающейся социальной жизни современного человека.

Библиография

1. Мазин В. А. Сексуальность в глотке реальности. Онейрокритика Лакана / В. А. Мазин; под ред. В. А. Мазина, А. Юран. — 2-е изд., доп. — СПб.: Алетейя, 2022. — 172 с. — (Лакановские тетради)
2. Купарашвили М. Д. Психологический структурализм: версия Жака Лакана // Вестник Омского университета. 2022. Т. 27. № 3. С. 43-53.
3. Лакан Ж. Еще (Семинар, Книга XX (1972/73)). Пер. с фр./А. Черноглазова. — М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2011. — 174 с.
4. Кожаринова А. Р. Массовая коммуникация как взаимодействие дискурсов: аналитический потенциал теории четырех дискурсов Ж. Лакана // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 157-166
5. Великанова Л. В. Категория "событие" в пространстве и времени психоаналитического акта: философский аспект // Гуманитарный вестник. 2020. № 4 (84). С. 7-13.
6. Щербачев Д. К. О возможности этики, запрещающей изменять, в концептуальном пространстве психоанализа // Философия и общество. 2022. № 3 (104). С. 141-155.
7. Карачинцев А. Д. Анализ категории "другой" в парадигме структурного психоанализа // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2018. № 2. С. 21-32.
8. Долар М., Божович М., Зупанчич А. Любовная машина; Лакан и Спиноза; Комедия любви / М. Долар, М. Божович, А. Зупанчич; пер. с англ. И юиограф. Справки А. Сминова; под ред. В. А. Мазина, Г. Рогоняна. — СПб.: Алетейя, 2021. — 106 с. — (Лакановские тетради)
9. Schrans D. The Individual and the collective: sociological influences on lacan's concept of the relation subject—other // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. P. 1-9.
10. Осипова Т. П. Психоанализ этический. От Я к Другому // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. № 4. С. 55-83.
11. Pohl L., Swyngedouw E. 'What does not work in the world': the specter of Lacan in critical political thought // Distinktion: Journal of Social Theory. 2021. Vol. 24. N. 1. P. 1-19.
12. George S., Hook D. Introduction: Lacanian praxis and social intervention // Psychoanalysis, Culture & Society. 2018. Vol. 23. P. 235-243.
13. Шаров К. С. Экстимность как разновидность символического обмена в постсемейных неолиберальных обществах: особенность социального феномена и специфика его форм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 140-152.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Нельзя сказать, чтобы творчество Лакана не привлекало в последние десятилетия внимания отечественных исследователей, однако, примеры внятного изложения и анализа его мысли до сих пор появлялись нечасто, при чтении некоторых публикаций и вовсе возникает впечатление, что их авторы приступают к составлению «отчёта о прочитанном» до того, как вникнут в существо вопроса. К сожалению, подобные предположения посещают и в процессе знакомства с рецензируемой статьёй. Прежде всего, необходимо скорректировать её название, оно содержит выражение «метакритика

...проблематики», между тем, «проблематика» не может выступать объектом (мета)критики, в качестве такового могло бы быть указано какое-либо другое смысловое образование – концепция, и т.п. Далее, к сожалению, некоторые выражения провоцируют возникновение сомнений в историко-философской эрудиции автора, например: «...будто повторяя путь деления Кантом суждений на априорные и синтетические». Нет, у Канта представлены деления на априорные и апостериорные, а также на аналитические и синтетические суждения, разумеется, Кант соблюдал тривиальное правило, гласящее, что деление должно проводиться по одному основанию. Трудно согласиться и с тем, что представленные в тексте формулировки отражают специфику подхода Лакана, например, первый раздел завершается замечанием, что «психоанализ сделал всеобщим достоянием тот факт, что есть знание, которое о себе не знает». Разве этот «факт» не был известен уже Лейбницу? И не следует ли согласиться с тем, что само по себе «бессознательное» не может рассматриваться в качестве «персонального открытия» какого-либо философа просто потому, что оно принадлежит уже древней традиции пифагореизма? Так в чём же тогда состоит «открытие» психоанализа, и каким образом оно было представлено в преобразованном виде у Лакана? Или как относиться к констатации «Лакан приходит к выводу, что, действуя, человек знает гораздо больше, чем может подумать». Неужели Гегель с Марксом не имели понятия ни о чём подобном? Вообще, в тексте много поспешно составленных выражений, например, уже в самом начале упоминаются некие «меткие интеллектуальные изыскания» (может быть, «наблюдения?»). Второе предложение текста, в котором содержится это выражение, в целом сформулировано неудачно, то же самое можно было бы сказать и обо всём введении, многие слова и выражения в нём выглядят неуместными (как можно «повлиять на развитие вопросов», или «дать толчок развитию вопросов и проблем?»). А «практическая ориентированность» и «динамичность» никак не могут выступать в качестве рядоположенных характеристик, поэтому и влияние этих сторон мысли не может рассматриваться «суммативно», да и что в этом контексте означает «динамичность»? «Живость», упоминаемая ниже? Или: «Лакан был сведущ в вопросах ... существования мировоззрения у человека», зачем здесь «существование»? Наконец, по-видимому, следовало говорить о влиянии лингвистики и т.д. на «рассмотрение мировоззренческих проблем», а не на сами «мировоззренческие проблемы» в творчестве Жака Лакана, как сказано в тексте; и тут же явно неудачное «в рамках ... специфической терминологии». Одним словом, первые абзацы, многословные и путанные, предпочтительно было бы просто переписать заново. Вызывает возражения и способ привлечения автором статьи источников. Тексты самого французского философа представлены крайне слабо, в некоторых случаях приводимые цитаты или упоминания исследователей творчества Лакана плохо связаны с контекстом, непонятно, то ли они должны подтверждать формулы самого автора, то ли просто предоставляются любопытному читателю как «метки» для его собственных поисков в будущем. Возможно, всё дело в том, что автор не вполне определился с тем, что же он, собственно, стремится сказать о Лакане, и поэтому приводимые им суждения или фрагменты других исследователей не находят «своего места» в тексте. Крайне неопределённым представляется и последнее предложение статьи, которое следовало бы рассматривать как общий вывод, между тем, оно не несёт сколько-нибудь внятного представления о заявленном предмете, неожиданно перенося центр тяжести на «метафизику»: «Лакановский психоанализ, безусловно, возвращает социальную философию в метафизическое русло, при этом делает метафизику доступной, понятной и научно обоснованной, за что ученого могут отблагодарить как коллеги по психоаналитическому ремеслу, так и наследники-философы». Думается, статья имеет некоторые перспективы публикации в научном

журнале, но для этого она должна быть основательно переработана.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Социально-философская теория Жака Лакана как метакритика концепции мировоззрения» выступает теория Жака Лакана. Автор стремится связать эстетические, этические, аксиологические, онтологические, гносеологические, праксиологические, и антропологические размышления философа с проблемой формирования мировоззрения. Автор говорит о лакановской «метакритике концепции мировоззрения», фактически ища ответ на вопрос – можно ли в современных условиях, учитывая опыт психоанализа и философии языка говорить о целостном мировоззрении и можно ли как-то обозначить пути его формирования.

Методология исследования строится на историческом и герменевтическом анализе текстов Лакана, главным образом текстов его семинаров 1972/73 годов. Автор статьи исследует позиции Лакана в широком историческом контексте формирования и развития психоанализа, философии структурализма и постструктурализма, философии языка. При этом автор обращает внимание на отдельные аспекты трактовки человеческой личности Лаканом, приводит прямые цитаты и их интерпретацию причем не только собственную интерпретацию, но и трактовку других исследователей.

Актуальность исследования может быть связана с неизменным интересом философии к проблеме человеческой личности, экзистенции, внутреннего мира в самом широком смысле этого слова.

Научная новизна определяется попыткой автора через философию Лакана представить мировоззрение как децентрализованную, неустойчивую структуру, которая все же может быть сформирована «в рамках бесконечно перестраивающейся социальной жизни современного человека».

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация. Язык изложения ясный и понятный для читателя, имеющего базовую философскую подготовку.

Структура работы имеет внешнее членение, что облегчает чтение и восприятие текста. Содержание и логика изложения полностью соответствуют заявленной теме. Во введении автор обосновывает свой интерес к творчеству Лакана тем, что его философия позволяет подойти к теме понимания и описания мировоззрения человека с другой, оригинальной стороны, буквально ставящей с ног на голову традиционные темы внутреннего мира человека, ключевых этапов его развития, взаимодействия с индивидами в процессе социализации, культурных и экономических условий жизни. В первой части: «Лингвистика в психоанализе» автор констатирует большой интерес Ж. Лакана к вербальной активности и опосредованности бессознательного через речь человека. Во второй части: «Знание, сознание и бессознательное в жизни людей» идет речь о значимости информационных потоков и их обработки в формировании внутреннего мира человека, говорении или проговаривании им реальности как скорее бессознательного, чем сознательного процесса. В части «Бытие, реальность и фантазм» автор размышляет о расколе между бытием и мыслью, который может исчезнуть, при условии обращения к метафоре, как квинтэссенции единства реального, символического и воображаемого. Небольшая часть «Телесность в аналитическом дискурсе» посвящена значимости словесных категориями в формировании ответа на предельные

мировоззренческие вопросы, что демонстрирует возможности психоанализа пользоваться сознательными и бессознательными побуждениями человека в этих целях. В последней части – «Этика и политика как способы проявления мировоззрения в действии» автор констатирует связность практически всех областей современного философского дискурса с этикой, политикой и экологией. В заключении статьи автор приходит к выводу, что метакритика концепции мировоззрения в контексте творчества Лакана сводится к особой этике социального акта. Он вводит для этого категорию, предложенную К. С. Шаровым – «экстимность» в значении культурной и внешней опытной обусловленностью ядра человеческой личности, своеобразного «бессознательного снаружи», intersубъективной структуры, отражающей интимные переживания.

Библиография включает 13 источников, которые хорошо отражают исследованность именно заявленной темы, а не всей философии Лакана.

Апелляция к оппонентам присутствует, автор ссылается на исследования проблемы анализа мировоззрения Лаканом такими авторами, как К. С. Шаров, Т. П. Осипов и др.

Статья будет интересна всем, интересующимся творчеством Лакана, проблемой формирования и функционирования мировоззрения.